

в государственных описях поместья определялось чиновниками как число только париков-домохозяев, т. е. глав семейств. Право владеть семьями париков, в которых взрослые (и женатые) сыновья не отделились от родителей, предоставлялось лишь как привилегия¹⁶.

Для понимания существа дела *важнее*, однако, как мы в этом убеждены, не черты сходства парического держания с арендами других видов, а его *отличия*, специфика, *реальное* положение парика, как нашедшее отражение в официальном законодательстве, так и юридически оставшееся вне сферы действия официального права. Ниже мы коротко остановимся на этих особенностях, оговорившись, что отнюдь не исключаем того, что они формировались постепенно, что парическое право пережило несколько этапов своего развития. Но установить эти этапы и последовательность появления специфических черт парической аренды невозможно из-за недостатка источников.

Прежде всего — нет не только сохранившихся договоров париков с их господами, нет никаких и упоминаний на этот счет в источниках. Повторим еще раз: сохранилось лишь несколько арендных, но не парических договоров из Южной Италии, есть и официальные статьи действовавшего в Византии закона об аренде, есть и упоминания в источниках о соглашениях об аренде — «письменных и *неписьменных*» (курсив наш. — Г. Л.), как сказано в «Прохиране»¹⁷. Нам представляется этот факт не случайным. Арендный договор официально регулировался государственными властями, как намекает на это и Косьма в своем Первом решении, противопоставляя аренде «парическое право». Соблюдение условий аренды обеими сторонами гарантировалось властью, лежало в сфере публичного права. Напротив, соглашение парика с господином оказывалось с самого начала в сфере частноправовых сделок. Государство в лице представлявшего его на местах чиновничества вмешивалось в отношения господ с париками лишь в той мере, в какой это касалось (в случае отсутствия у господ налоговой экссуссии) уплаты налогов в казну с парических хозяйств (стасей). Власти регулировали размеры димосия и иных платежей с париков в пользу фиска (это находило отражение в налоговых регистрах), но их совершенно не интересовали размеры хоропакта, т. е. парической платы господам за держания, и иные повинности в пользу своих господ (эти выплаты и обязательства не фиксировались в кадастрах). В конечном счете здесь все зависело от воли собственника земли, чаще всего самостоятельно совершавшего операцию поселения париков в своем владении, в особенности когда речь шла о так называемых «неплатежных» (*ἀτελεῖς*), «не имеющих собственной земли» и не числящихся поэтому в налоговых описях казны. Хозяин в таких случаях давал таким парикам (согласным на любые условия, чтобы избавиться от нищеты) не только земельный участок, но и семена, и скот, и инвентарь, а возможно, и жилище. Чиновники лишь «задним числом» проявляли к таким парикам служебный интерес как к ставшим хозяйственно состоятельными (зевгаратами или voidатами), т. е. подлежащими налогообложению, если господин не получил на этот счет освобождения от императора.

Из Патмосской писцовой книги (1073 г.) и из выписки из налоговой

¹⁶ Литаурин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1974. С. 102—109; *Он же*. Византийское общество. . . С. 29.

¹⁷ Prochiron Legum / Publ. cura di F. Brandileoni e V. Puntoni. Roma, 1895. P. 80.